

М.В. Богданова, В.И. Бакштановский

УДК 174.7

Этика науки в университете
(опыт коллективной экспертной рефлексии)

Аннотация. На развитие науки в российских университетах вновь возлагаются большие надежды. Создаются современные лаборатории, финансируются исследовательские проекты, организуются и выигрываются конкурсы, выделяются гранты. Но являются ли эти важные для науки в университете меры достаточными? В статье представлен опыт коллективной рефлексии профессорами Тюменского индустриального университета современных вызовов этике науки, преемственности ценностных оснований научной деятельности, норм научных коммуникаций.

Ключевые слова: этика науки в университете, этос науки, служение в науке.

Вводные замечания

Образование и научные исследования традиционно характеризовали предназначение университета – его первую и вторую миссии. Активные трансформации отечественной высшей школы с начала XXI века содействовали введению в публичный дискурс об университете темы третьей миссии, акцентирующей его вклад в развитие общества, регионов [5]. В настоящее время обсуждается возможность четвертой миссии – как поиска ответов на угрозы существованию человечества на планете, работу с мировыми вызовами [8]. Исполнение такой миссии университетом соотносится прежде всего с умением создавать новые знания.

Научные исследования совершаются, как известно, не только в университетах. Иногда акцентируется, что передовая наука покидает стены российских университетов, перемещаясь в исследовательские институты, центры и т.п. Однако, возможно, что развитие такой тенденции повлияет на перспективы науки в целом скорее негативно.

Университетская наука предусматривает не только проведение научных исследований, разработку новых технологий, научные открытия, но и создание, развитие академической среды, в которой происходит становление исследователя, ученого, в том числе освоение ими этических принципов, ценностей, норм научной деятельности и коммуникаций – этики [1] и этоса науки [2]. Университеты, в отличие от иных организаций и центров, занятых научными исследованиями, не могут ограничивать цели своей деятельности только реше-

нием социальных или экономических задач. Они представляют собой – по словам С. Коллини – частично защищенные пространства, в рамках которых предпринимаются попытки расширить и углубить человеческое понимание, и такая задача имеет приоритет над другими целями университетов [6].

Как показывают статистические данные, российская наука постепенно молодеет [4], что является положительным фактором. При этом наблюдается тенденция к уменьшению числа людей, занятых научными исследованиями, прогнозируется также сокращение в ближайшие три года ведущих ученых [3]. Наблюдаемое повышение привлекательности поступления в аспирантуру дает некоторую надежду, что больше молодых людей примут решение о выборе науки в качестве основной сферы своей профессиональной деятельности. Среди значимых факторов влияния на профессиональные ориентации молодежи исследователями отмечаются восприятие актуальной ситуации и социальный опыт предыдущих поколений [7]. Если с учетом этих факторов обратиться к перспективам развития науки в России, можно отметить, что социальный опыт как минимум двух предшествующих поколений является не вполне позитивным с точки зрения преемственности в науке, актуальная же российская ситуация в сфере науки, напротив, обнаруживает – скорее – признаки ее позитивного развития.

Знания, хорошее образование, умение думать, инициативность, сила духа, ответственность, трудолюбие, нацеленность на результат – такие значимые для приглашения в исследовательский проект качества выделили спикеры заключительного мероприятия – пленарного заседания «Наука – пространство возможностей» на третьем конгрессе молодых ученых [10]. Университет представляет собой один из немногих социальных институтов создания среды, в которой эти качества могут быть поддержаны и развиты в контексте выбранной специализации. Образовательные и профессиональные ориентации молодежи в среднесрочной перспективе составляют предмет деятельности и пространство ответственности университетов, отвечая на совершенный абитуриентами выбор.

Трансформации предъявляют все новые требования к инновационности университетской академической среды. При этом значение имеют не только финансовое обеспечение, но и развитие научных коммуникативных площадок на глобальном и локальном уровнях (в том числе и на внутренней территории университетов).

Этика науки как сфера ответственности университета

Проблемам этики науки в университете был посвящен очеред-

ной ректорский семинар 2023 г. в Тюменском индустриальном университете¹ (далее ТИУ). На этом семинаре² предстояло рассмотреть значимые для ситуации ТИУ ценности профессиональной этики науки, возможности их преемственности и развития в современных условиях университета.

Гипотеза, предлагаемая на обсуждение:

Сегодня на университетскую науку, как можно судить по публикациям, в том числе на сайте Тюменского индустриального университета, вновь возлагаются большие надежды. Создаются современные лаборатории, финансируются исследовательские проекты, организуются и выигрываются конкурсы, выделяются гранты. Это важные и необходимые условия для развития науки в университете.

Но являются ли они достаточными?

¹ Ректорский семинар в Тюменском индустриальном университете (ранее – в Тюменском государственном нефтегазовом университете) – экспертная площадка для совместной рефлексии ректора и профессоров актуальных проблем, возникающих при соотношении практики жизни университета с профессионально-этическими ориентирами его научно-образовательной деятельности.

² Участники ректорского семинара «Профессиональная этика науки в университете» (должности указаны на момент проведения семинара – 08 июня 2023 г.). АРТАМОНОВ Евгений Владимирович, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Станков и инструментов; БАКШТАНОВСКИЙ Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ прикладной этики; БОГДАНОВА Марина Владимировна, д. соц. н., доц., НИИ прикладной этики; ДАНИЛОВ Олег Федорович, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Интеллектуальных систем и технологий; ЕФРЕМОВА Вероника Васильевна, к. экон. н., ректор ТИУ; ЗЕМЕНКОВ Юрий Дмитриевич, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Транспорта углеводородных ресурсов; КОВЕНСКИЙ Илья Моисеевич, д.т.н., проф., директор НИИ Истории науки и техники Зауралья; МАКСИМОВ Лев Игоревич, аспирант, инженер Центра перспективных исследований и инновационных разработок; МЕРДАНОВ Шахбуба Магомедкеримович, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Транспортных и технологических систем; МЕХРИШВИЛИ Ламара Ленгизовна, д.соц.н., проф., заведующий кафедрой Гуманитарных наук и технологий; ПОНОМАРЕВ Андрей Александрович, ассистент кафедры Геологии месторождений нефти и газа; ПОПОВ Владимир Григорьевич, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Товароведения и технологии продуктов питания; СЫЗРАНЦЕВ Владимир Николаевич, д.т.н., проф., заведующий кафедрой Машин и оборудования нефтяной и газовой промышленности; СЫЗРАНЦЕВА Ксения Владимировна, д.т.н., проф. кафедры Кибернетических систем; ТОЛМАЧЕВА Светлана Владимировна, д.соц.н., проф. кафедры Маркетинга и муниципального управления»; ШЛЯКОВ Алексей Владимирович, д.ф.н., проф. кафедры Гуманитарных наук и технологий.

Создается впечатление, что – не являются.
Имеет значение – этика науки.

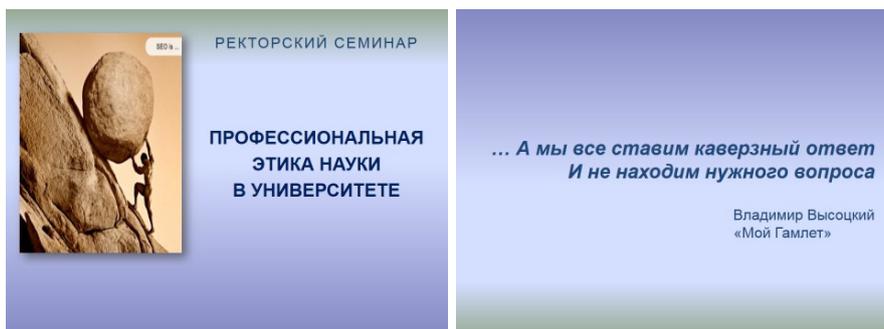
В университетах этика науки выступает и в качестве ценностных ориентиров, норм научной деятельности, и – знания, которое передается будущим поколениям ученых.

На ректорском семинаре предстояло сосредоточиться на проблемах *преемственности* ценностных оснований и этических норм научной деятельности. В этой связи участникам семинара было предложено обсудить некоторые вопросы.

1. *Современные вызовы этике науки в университете.*
2. *Некоторые характеристики этики науки.*
3. *Этос науки и особенности его воспроизводства в университете.*
4. *Изменения во взаимодействии академического наставника и ученика – как новый вызов этике науки.*

Далее представлены фрагменты хода ректорского семинара, в которых отражены сложившиеся направления дискурса относительно первых двух вопросов.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ РЕКТОРСКОГО СЕМИНАРА

ВЕДУЩАЯ семинара (ректор Тюменского индустриального университета – Вероника Васильевна Ефремова). Сегодня нам (профессорскому сообществу в присутствии наших молодых ученых) предстоит обратиться к еще одному аспекту этики – к этике научного работника, даже шире – этике науки. Есть несколько причин для такого разговора, они разного свойства. Но главное, наверное, для меня лично – страна входит в десятилетие науки и технологий. Хотелось бы узнать, каков наш научный потенциал, и возлагает ли это десятилетие какие-то новые виды ответственности на тех, кто зани-

мается научным поиском, с точки зрения получения научных результатов, публикаций. А самое главное – как мы работаем в этой связи с подрастающим поколением, какие ценности и цели им транслируем. Мы с Консультантом семинара решили обратить внимание на эту проблему с надеждой на дискуссию.

КОНСУЛЬТАНТ семинара (директор НИИ прикладной этики ТИУ – Владимир Иосифович Бакштановский). Уважаемые коллеги, начну с того, что за два дня до семинара произошло «покушение» на его замысел. Это было связано с вопросом, поставленным Ведущей семинара во время предварительного обсуждения о (вне)историческом статусе профессии (профессионализма). Конкретнее – профессиональная этика была всегда *или* она возникла на определенном этапе жизни общества? Разумеется, напрашивающийся ответ: профессии не являются надысторическим феноменом. Человеческое общество изобрело профессии на определенном этапе своего существования и развития. Этот аргумент, казалось бы, очевиден, но недостаточно силен. События настоящего времени дают большую определенность относительного того, что профессиональная этика науки получила особый статус в современности и от нее пришли вызовы.

Некоторые из таких вызовов представлены на слайде.

Вызовы этике науки

Упадок академической свободы, полноценной автономии в исследованиях и преподавании. Безудержная коммерциализация, тотальная бюрократизация, иррациональная дигитализация показателей научно-образовательной деятельности и т.д., деформируют пространство академической свободы.

Обретение ученой степени сегодня утрачивает статус безусловного фактора быть достойным права академической свободы в университете (достаточно вспомнить публикации Диссернета).

Участие Искусственного интеллекта в качестве посредника во взаимодействии исследователя с будущим поколением ученых (когда академический наставник имеет дело с текстом, созданным не будущим ученым непосредственно, а искусственным интеллектом).

Присоединение к традиционным академическим обязательствам исследователя новых этических обязанностей («академическая гражданственность»): понимание цели и процедуры принятия решений в университете; противостояние академической олигархии. формирование «нового соглашения» между обществом и университетом, требующее размышления о назначении университета, соотношении его целей с общественным благом [9].

И т.д.

Ограничиваясь таким кратким обзором, далее нам предстоит сосредоточиться на базовых, казалось бы, элементарных, характеристиках профессиональной этики науки и попытаться наметить болевые точки и точки роста профессионально-этической составляющей современной научной деятельности в университете.

Итак, о некоторых характеристиках этики науки. Профессиональную этику науки можно характеризовать через такие известные категории: «служение», «нравственные установки ученого», «профессионально-нравственная ответственность», «патос научной деятельности».

Профессиональная этика науки: некоторые характеристики

СЛУЖЕНИЕ в науке требует беззаветного поиска истины, готовности отстаивать ее от тех сил, которые по разным причинам препятствуют ее использованию на благо общества.

НРАВСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ, наряду с исследовательскими способностями, служат одним из свидетельств профессиональной пригодности ученого (ориентация на объективность, верифицируемость утверждений, непредвзятость суждений, эмоциональная нейтральность и т.п.).

НОРМЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ (адекватное восприятие критики; готовность критически оценивать деятельность коллег невзирая на статусы; сочетание научной добросовестности с личной честностью и т.п.).

НРАВСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ученых за честное использование научных открытий и достижений сохраняется как наиболее проблемная тема профессиональной этики науки.

ПАТОС – готовность оправдать недозволенные методы конкуренции, практику насаждения культов тех или иных ученых, самовозвеличивание, подсиживание, зависть [1].

Можно ли сказать, что такие, казалось бы, совсем элементарные категории сохраняют свое значение и потому требуют специального внимания при анализе научной деятельности, которая претерпевает существенные трансформации?

В какой мере обозначенные ранее характеристики профессиональной этики науки приложимы к научной деятельности в университете? Возможно, какие-то из них сегодня являются уже архаичными, не имеющими решающего значения для развития университетской науки, а какие-то, наоборот, насущными?

О.Ф. ДАНИЛОВ: Реплика, к понятию «служение». «Служение науке» и «служение в науке» – на мой взгляд, совершенно разные. Я работаю в науке – «служу в науке». А если я «служу науке» – значит провожу научные исследования, следую тем нормам научной работы, которые сейчас предписаны.

А.В. ШЛЯКОВ: Служение науке – это политеистическая установка, которая, как мне кажется, обожествляет науку саму по себе, а служение в науке происходит для человека. Поэтому в этих утверждениях имеют место разные подходы.

КОНСУЛЬТАНТ: «Я служу науке» – у меня пафосное отношение к моей работе, и оно востребовано мною к самому себе, может быть, и к моему научному коллективу. Это первый вариант употребления.

Но «служение в науке» придает настроение беззаветного поиска истины, готовности отстаивать науку от тех сил, которые по разным причинам препятствуют ее использованию на благо общества. «Служение науке» для меня и не запретное, и не противоречащее другому смыслу – «служить в науке».

О.Ф. ДАНИЛОВ: Тем не менее, например, в Министерстве науки и образования работает чиновник, который отвечает за развитие науки в Российской Федерации – он служит науке или служит в науке? Он не делает открытий, не соответствует требованию беззаветного поиска истины, а администрирует процессы, выстраивает, организует.

ВЕДУЩАЯ: Скорее, в этом примере речь идет о работе в науке: это вид работы – в науке.

КОНСУЛЬТАНТ: Например, человек занимает определенный административный пост в университете. Это то же самое, что учить студентов и аспирантов, при этом часть своей работы делать бескорыстно, брать на себя сверхобязательства в работе с аспирантами, студентами? Вспоминаю наш с Ведущей обмен мнениями относительно темы семинара: врач служит или работает? Или есть третий вариант? В последнее время я заметил достаточно распространенное представление – говорить одинаково и о служении, и о работе относительно одного и того же человека, хотя здесь имеют место разные способы его работы, разные проявления его служения.

В этой полемике вряд ли возможно достичь общего мнения, однако для нашего слуха полезно различать то и другое, видеть общность в том и в другом. Я знаю людей, которым кажется излишне пафосным рассуждать о науке как служении, но излишне и прагматичным говорить о том, что наука – «это всего лишь работа, вы за нее получаете зарплату, и давайте работайте».

М.В. БОГДАНОВА: Речь зашла о разных значениях понятия «служение». В этой связи вспоминается один эпизод. Когда я еще становилась на свою социологическую стезю, во время одной из встреч на курсах повышения квалификации профессору Геннадию Семеновичу Батыгину – основателю и главному редактору одного из ведущих журналов по социологии в России – был задан вопрос: «Каково предназначение у социологии как науки, какие у нее высшие цели, каким должно быть служение социолога?». (Это было время конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, в тот период социология как наука восстанавливалась в России, была, можно сказать, на пике популярности). Его ответ был: «Добросовестно исполнять свое ремесло». Многим в зале такой ответ не понравился. Однако по жизни так, вероятно, и получается, без добросовестного исполнения своего ремесла высокое служение как-то не складывается. Возможно, это еще один ракурс определения понятия «служение в науке».

Е.В. АРТАМОНОВ: Небольшая ремарка. Офицеру с большим боевым стажем вручается награда за долгую службу в рядах Российской Армии. Офицер отвечает: «Служу Отечеству!». «Работать» и «служить» в этот момент совпадают. Один эпизод, а характеристики совершенно разные – но они совместимы. Был пример относительно заведующего кафедрой, который с чиновником себя сравнивает. Но мы – в это же самое время служим и в науке. Например, я два дня назад готовил отзыв на автореферат докторской, которая будет защищаться в Московском государственном технологическом университете «Станкин». Так я служу в науке – провожу исследования, работаю с аспирантами, пишу отзывы. И когда придет время подводить итоги, то, полагаю, правильным будет сказать: много лет, много сил было посвящено служению науке.

Ю.Д. ЗЕМЕНКОВ: Есть расхожая фраза, что истина лежит где-то посередине. Вроде бы понятно, но в действительности это не совсем так. Есть два мнения, но истина не всегда находится посередине, она все равно тяготеет к какой-либо стороне. По-моему, не стоит ни объединять, ни противопоставлять рассматриваемые здесь два смысла понятия «служение». Они работают по-разному: в какой-то области они могут пересекаться, в какой-то различить эти смыслы совершенно невозможно, но где-то они противоположны.

Приведу пример. На прошедшем совещании в ВАКе (это было последнее заседание, когда новый ВАК образовывался) мы знакомились друг с другом. Люди представляли себя по-разному: кто-то спокойно говорил «я такой-то» – и все, а кто-то по-другому. Мне запомнилось выступление одного профессора из Красноярска, который начал с того, что он – самый лучший ученый вообще в России. По-

добное я ранее слышал в Оксфорде: профессор садился на стол и говорил, что он самый крупный ученый вообще. Я тогда подумал, ну откуда это(?), он в одной формуле сделал несколько ошибок. Мы задали ему вопрос, чем он прославился? Он сказал, что заранее знал о предстоящем знакомстве, достал книжечку чуть побольше телефонной и показал свой труд, в котором он доказал, что шагающий экскаватор эффективнее, чем гусеничный. Я ничего в этом не понимаю, но такое ощущение было, что на тот период это была далеко не самая крутая часть науки у нас в России. Тем не менее, у человека ассоциация, что он «крутой», служит в науке и служит науке. Поэтому «служение в науке» в разных случаях работает по-другому.

КОНСУЛЬТАНТ: Небольшая реплика. По-моему Гегель, или кто-то иной из великих философов, заявил, что посередине между двумя крайностями лежит не истина, а проблема. Суждение, что истина лежит посередине, вроде бы уже вошло в наш язык, а что между двумя крайностями по середине лежит проблема – еще не вошло. Но мне это очень нравится.

ВЕДУЩАЯ: По ходу нашей дискуссии возник вопрос: А можно ли объединить «служение в науке» и «служение науке»? И обязательно ли это будет один человек? Мне кажется, в большинстве своем «служение науке» не меньше, чем «служение в науке». Но «служение науке» – скорее, личная позиция, или как любит говорить Консультант семинара, нравственная установка... Относительно «служения в науке» более или менее понятно – все уважающие себя люди должны качественно работать, служить делу, которому они себя посвятили. Но обязательно ли служение науке, или иному делу?

КОНСУЛЬТАНТ: Нет, не обязательно, потому что бесполезно это требовать. Это может быть только внутренним решением, потому что оно – моральное. Это вы – конкретный человек – решили, что к тому, чем вы занимаетесь, больше относится характеристика «служение». И вы хотели, чтобы так и было; вы так о себе думали, хотели, чтобы и про вас думали так.

ВЕДУЩАЯ: Почему обязательно, «чтобы про вас так думали»? Достаточно, чтобы так думал сам человек.

КОНСУЛЬТАНТ: Этого недостаточно, мне – человеку, личности – хочется получить признание со стороны общества, со стороны сообщества, соратников. Для меня очень важна эта характеристика – «служение», но я считаю, что человек имеет право сам для себя ее употребить, не дожидаясь от окружающих такой высокой оценки.

А.В. ШЛЯКОВ: Мне пришло в голову такое соображение. Если результат моей деятельности в конце приводит к материальному вознаграждению в виде денег, то эту деятельность я называю рабо-

той или трудом. Если в результате моей деятельности я получаю благодарность, почет, уважение и признание, эту деятельность я называю «служением». То есть, «служением» мы именуем то, что изначально по своим мотивам бескорыстно. И такой бескорыстный момент может реализовываться и в трудовой деятельности. Но если мы говорим о сегодняшнем дне, то, да, мы можем служить, но это не будет служением, ибо профессия педагога не вызывает ни почета, ни уважения, ни признания, и тем более – никакой благодарности. А значит служение проблематично.

Ш.М. МЕРДАНОВ: Хотел бы еще раз проблематизировать понятие «служение». Многие в этой аудитории, наверное, помнят фильм «Москва слезам не верит» и одного из героев этого фильма – Гошу, работавшего слесарем в одном из НИИ. Этот Гоша, как показано в фильме, был автором многих оригинальных разработок, и все институтские диссертации были сделаны с использованием его экспериментальных приспособлений. Он служил науке, или он служил в науке? А те, которые защищали диссертации, пользуясь этими разработками, они служили науке или служили в науке? Поэтому, надо определить, что такое «служение»? И можно сказать, что те, кто служат науке, вообще-то должны быть бессребрениками, то есть равнодушными к деньгам. А служение в науке обязательно предполагает поддержку, в том числе и материальную.

И.М. КОВЕНСКИЙ: Наш разговор пошел бы острее, если бы мы дали определение, что такое «наука» вообще. А это все – и лаборант, который трудится в науке, и академик, который получает премии, и проходимцев полно вокруг. Полагаю, для нашего разговора «наука» – это базовое понятие. И целесообразно потратить некоторые усилия, чтобы дать ему определение.

А.В. ШЛЯКОВ: Можно привести определение, которое преподаватели кафедры гуманитарных наук уже на первых лекциях по философии, методологии, истории науки стараются дать аспирантам: наука – это деятельность по созданию объективной значимой истины. К такому определению, конечно, добавляются некоторые уточнения, нюансы, например, относительно достижения истины.

И.М. КОВЕНСКИЙ: Как известно, Ломоносов говорил несколько иначе: «Наука есть ... *непорочное увеселение в жизни...*». Конечно, при этом он определял ее и как «ясное познание истины, просвещение разума».

(...)

ВЕДУЩАЯ: Предлагаю двигаться дальше и обратить внимание на следующие предлагаемые на обсуждение вопросы.

КОНСУЛЬТАНТ: К понятиям, выделенным для характеристики этики науки – «служение», «нравственные установки», «нормы академической добросовестности», «нравственная ответственность» и «патос» – были поставлены вопросы. Напомню: в какой мере такие характеристики этики науки приложимы к научной деятельности в университете в настоящее время? Может быть, какие-то из них сегодня не имеют решающего значения, а какие-то, наоборот, являются насущными для университетской науки сегодня?

М.В. БОГДАНОВА: Представленные на слайде категории, характеризующие этику науки, казалось бы на слуху, более или менее понятны. И в то же время по каждой из них можно провести отдельную дискуссию, как это произошло относительно понятия «служение». Однако возникает вопрос: как этические принципы и нормы научной деятельности (например, академическая добросовестность, нравственная ответственность, служение) передаются, транслируются от одного поколения исследователей, профессоров другому поколению – молодым ученым? Конечно, существуют этические кодексы, в них отражены принципы, нормы научной деятельности. Но достаточно ли прочесть и даже изучить эти документы, чтобы начать в соответствии с ними работать? Когда мы в НИИ ПЭ работали над этическим кодексом университета (первое десятилетие XXI в.), обсуждали в том числе в университетском сообществе его концепцию, структуру, содержание, участники обсуждения, рассуждая о назначении этического кодекса, характеризовали его как напоминание – что такое университет вообще, университетская наука и преподавание.

Упомяну и еще об одном долговременном исследовательском проекте НИИ ПЭ – «Жизнь в профессии». Работа в рамках этого проекта предусматривала интервью с профессорами университета, в том числе о профессиональном пути, становлении ученого. Многие профессора, если обратиться к текстам интервью, рассказывая о своем профессиональном пути в науку и в науке, придавали большое, можно сказать, основополагающее значение встрече с наставником. Такую встречу редко удастся запланировать. И если даже это и удастся, то может произойти знакомство, а встреча не случится. Могу предположить, что в настоящее время такие встречи вообще большая удача. Более того, еще недавно возникала ситуация, когда академический наставник и его ученик оказывались чуть ли не конкурентами, например, при выполнении, можно сказать, «безумных» требований, связанных с количественными показателями эффективности.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание, связанный с особенностями университетской среды, необходимыми

для формирования ученого. На прошлом семинаре Алексей Владимирович Шляков отметил, для того чтобы начать разговор о профессиональной этике вообще, прежде необходимо вернуть человека в университет – будь то преподаватель или студент. То есть, воспринимать его не как функцию, а как субъекта профессиональной деятельности, имеющего определенные намерения, планы, в том числе относительно академической траектории.

Одно из предназначений университета – готовить исследователей. Как университеты работают в этом направлении? Вероятно, следуя общей логике и заданным извне критериям, университеты опираются и на имеющийся опыт и накопленный социальный капитал. И у каждого университета он свой. Каков потенциал Тюменского индустриального университета в этом направлении?

К.В. СЫЗРАНЦЕВА: Рассуждая на эту тему, я могу представить себя и в позиции ученика, и в позиции наставника. То есть, я нахожусь где-то по середине на этой «научной лестнице». Когда я училась в аспирантуре, мы называли это «научной школой». В научной школе всегда есть Учитель. Мы его называли не наставником, а «шефом». Шеф – мудрый, он принимает волевые решения, он нас ведет. И мы всегда понимали иерархию – где шеф и где мы.

В нашем научном сообществе «зубчатников» мы своих Учителей знаем. Многих уже нет с нами, но мы четко помним, что они нам говорили, чему нас учили. Наши учителя всегда нам помогали, консультировали, к ним можно было подойти в любой момент, задать вопрос, и они всегда нам отвечали. Они нас воспитывали, я бы сказала, как родители ребенка, когда вроде бы ты его отпускаешь, но руки держишь рядом, вдруг он упадет. Так и наши учителя к нам относились. Соответственно, я такую схему усвоила. И работаю, например, со своими дипломниками так же: даю задание, они выполняют, приходят, отчитываются, я корректирую что-то, но они понимают, где я и где они. И вроде бы это стандартная схема работы учителя с учеником.

Но в последние годы один момент мне категорически не нравится. (Это относится и к теме коммерциализации, которая была отмечена здесь на слайде о вызовах этике науки). В настоящее время одним из условий получения гранта является требование, чтобы среди участников было не менее 50% в возрасте до 39 лет. Конечно, мы привлекаем молодежь для работы в грантах. Но пока работать она не умеет, им еще надо учиться. Однако, у них наблюдается так много «гонора», свойственно преувеличенное чувство собственного достоинства, заносчивости, это выглядит некрасиво, и уж тем более неэтично. Состоявшийся ученый всегда опытнее студента. Студен-

там необходимо его слушать, вбирать то, чем он делится с ними. И тогда молодежь начнет подниматься по научным ступеням, будет расти не скачкообразно, а постепенно и неуклонно. Мне думается, что мы как-то рано начали баловать молодежь.

Теперь относительно воспитания. Многие ребята у нас, окончив аспирантуру, не защищаются. Почему? Я думаю, это связано, в том числе с критериями отбора – в аспирантуру сейчас поступают по результатам сдачи вступительных экзаменов. Однако, чтобы человек защитил диссертацию по окончании аспирантуры, уже на этапе поступления он должен морально быть готовым к тому, что ему предстоит очень много и напряженно работать. И он должен быть готов после защиты диссертации остаться работать в университете. Мне, например, очень хотелось, чтобы эти «выпестованные» нами ребята оставались в университете, росли до доктора наук.

Логично было бы набирать в аспирантуру ребят уже с некоторым «заделом». Например, если человек уже имеет публикацию в журнале, рецензируемом ВАК, или Скопус, значит, он уже имеет наработки, и ему будет, скорее всего, обидно не защититься, или уйти куда-то на производство, где это не оценят. Но в нашем Положении о приеме в аспирантуру за статью в ВАК предусматривается 1 балл, а за Скопус – вообще ничего. Раньше в Положении было иначе: 1 балл за ВАК и 3 балла в Скопус. То есть, мы при приеме в аспирантуру убрали оценивание имеющегося у претендента научного задела. И неизвестно, какого исследователя мы получим по окончании аспирантуры.

Очень бы хотелось, чтобы у нас в университете проходили успешные защиты, шел научный рост. Сегодня защит диссертаций немного, хотя университет в этом остро нуждается... Некоторое время назад я зашла в первый корпус – увидела 3 некролога. Потом зашла в седьмой корпус, а там еще один некролог, профессор Утешев. Просто «руки опускаются». Нам очень нужны ученые, иначе – если мы научную работу не поднимем на должный уровень – рискуем скатиться до ПТУ.

ВЕДУЩАЯ: Не могу не заметить, что и некоторые ПТУ, они же сегодня колледжи, имеют высокий уровень профессионального образования. При этом там успешно развивается наставничество. И в системе нашего университета есть свой колледж, его возглавляет доктор технических наук, профессор. Ребята заканчивают колледж, мы с ними встречаемся, в том числе, с надеждой толковых, умных, рукастых, почти инженеров, пригласить на следующий уровень образования. Делясь своими планами на будущее, они говорили: сначала – армия, а потом – заочная форма обучения в нашем университете.

Я бы хотела продолжить прозвучавшую здесь ранее мысль о том, что очень неплохо, что у нас в публичном пространстве появилась антология почти каждого нашего профессора. И когда профессора рассказывают о своем пути в науке, мне всегда хочется, чтобы наши интервьюеры спросили: «А если бы Вы и Ваш научный наставник не встретились – стали бы Вы заниматься наукой?». Могу предположить, многие ответили бы отрицательно. Любое образовательное пространство, а университет, прежде всего, – для встреч именно такого рода. В этой связи возникает ряд вопросов. Должно ли это пространство меняться, или оно должно оставаться некоей константой? Как университет должен обеспечить встречу? Как она должна случиться? И должен ли это быть студент, который только думает, что он сможет быть ученым, или это должен быть студент, который уже немного поработал с ученым, писал совместно с ним статьи разного уровня? Все эти вопросы важны для развития университетской науки.

А.В. ШЛЯКОВ: По ходу нашего обсуждения у меня возник вопрос. Мы говорим о становлении молодого ученого, решившего посвятить себя служению в науке, в том числе под влиянием встречи, условно говоря, с состоявшимся ученым, который служит науке. В данном случае, можно предположить, что имеет место процесс отождествления. А может ли происходить становление исследователя через различия? Например, если молодой человек или девушка, встретился с таким наставником, который абсолютно противоположен его ожиданиям в науке, глубоко ему антагонистичен. И вопреки этому у молодого человека может возникнуть установка на бескорыстное служение науке? Думаю, если такое возможно, с перспективой науки у нас все хорошо.

Е.В. АРТАМОНОВ: Полагаю, такие случаи очень редки. Все-таки учитель и ученик должны быть единомышленниками. И думаю, доктора наук, находящиеся в этой аудитории, на 80% имели хороших учителей с самого начала, со стартовых позиций.

Ю.Д. ЗЕМЕНКОВ: Зашел разговор о наставниках и учениках. Недавно у меня состоялся разговор с профессором из Уфы. Ему около 80-ти лет, но всегда был достаточно крепкий, активный, а тут вдруг вижу его осунувшимся. Спросил: Что случилось? Оказывается инфаркт. Спрашиваю: Как так, вроде бы ничего не предвещало? Он сказал, что и сам так думал. Но как-то подходил к университету, стояла небольшая толпа студентов, бранились матом и юноши, и девушки вместе. Он решил сделать им замечание, услышал в ответ такое количество нецензурщины в свой адрес, что не успел дойти до входа – вызвали скорую. Я спросил его: А сейчас как? Он ответил: А пусть

продолжают. Спросил его относительно науки. Ответ: Нет, нет, все. А он – известный ученый, имеет много публикаций, вызывает огромное уважение.

Еще один сюжет к теме этики науки. Как заместитель председателя диссертационного совета, я консультирую ребят по аспирантуре. Недавно меня попросили помочь привести в порядок автореферат. Я предложил поработать в режиме реального времени. Примерно через три часа работы мне задают вопрос: Юрий Дмитриевич, может уже достаточно? Я говорю: Как достаточно? Аспирант: Ну, у нас это платная процедура или не платная? Я молчал несколько минут, чтобы успокоиться – почему такая реакция? Потом сказал: Давай так – ты забыл, я забыл, все, мы больше не вспоминаем. И теперь даже желания нет разговаривать с людьми, потому что начинаешь спрашивать себя, того ли ты консультируешь в данный момент? Это уже относится к теме воспитания, к теме ценностей. Может быть в университете стоит усилить этическую часть, в том числе отделу аспирантуры? Звонят из отдела аспирантуры: Юрий Дмитриевич, у Вас сегодня консультация, Вы сегодня с двух часов до трех работаете с аспирантами. Но не надо мне напоминать. Я сам все решу. Я уже много раз общался с аспирантами и еще буду общаться количество времени – превышающее официальный график.

Все эти вопросы культуры, этики в науке, в университетской науке очень актуальны. И хорошо бы уделять им внимание не точно, прецедентно. А, может быть, стоит в программу обучения внести обсуждение вопросов этики науки, этики коммуникации в науке?

В.Г. ПОПОВ: Мы сегодня в связи с этикой науки больше говорим о человеческом факторе, отношениях наставника и ученика. Я бы хотел вернуться к теме вызовов этике науки. Как член диссертационного совета замечая, что при обсуждении диссертаций появляется много вопросов к соискателям, связанных с оборудованием и методиками проведения исследований. Чем глубже мы погружаемся в научные исследования разного уровня, тем сильнее испытываем нужду в высокоэффективном оборудовании, совершенных методиках. К сожалению, такие методики требуют высокоэффективного дорогостоящего оборудования. Я помню, когда еще был студентом, мне посчастливилось тогда – еще в 80-е годы XX в. – заниматься научными исследованиями. Чтобы провести их, в том числе и эксперимент, мы посещали институт академии наук СССР. А что происходит сегодня? Профессора, доктора наук, знают, как это порой у нас делается: представляют к защите диссертацию, начинаешь анализировать, видишь, что получены замечательные показатели, революционные результаты. Спрашиваешь соискателя: на каком оборудо-

вании проводились исследования, какие там были погрешности? Соискатель называет какие-то отвлеченные виды оборудования, технологии, методики, и он сам понимает, что, к сожалению, это не сделано им, либо было переписано с каких-то других источников. Порой становится стыдно за научного руководителя, за соискателя, который использует такие данные, чтобы представить диссертацию к защите. Это очень важное этическое требование в науке – чтобы человек представлял в своей диссертации им самим полученные результаты.

И в то же время мы понимаем, что современного оборудования, зачастую даже нет. А защиты нужны, диссертации нужны, ученые, нужны... Но ресурсов, чтобы сделать настоящую кандидатскую, докторскую диссертации, нет.

Мне пришлось поработать с профессорами из Ирана, Египта. Они готовы нам помочь с работой на их оборудовании по самой элементарной стоимости, например, в сто тысяч рублей, если перевести на рубли. А если мы в Москве начинаем выходить на институты, которые могут помочь провести исследование, то они уже называют стоимость в триста пятьдесят, четыреста тысяч рублей.

Это проблема номер один, и мне кажется, она имеет этический характер.

(...)

ВЕДУЩАЯ: Я бы хотела вернуться к слайду о вызовах этике науки – конкретнее о гражданственности в науке. В предварительном обсуждении темы семинара мы с Консультантом поспорили о служении и о жертвенности. Я проблематизировала в этом контексте понятие гражданственности в науке. Например, поступок Альфреда Нобеля – это гражданский поступок или это поступок человека, который служит лишь науке? Мы помним, что в дальнейшем он, осознавая возможный разрушительный потенциал своего изобретения, стремился, чтобы его запомнили все-таки в положительном свете.

Так что такое гражданственность в науке? Почему так активно заговорили об этом сейчас? Разве служение в науке – это не то же самое?

И еще мы говорили с Консультантом, что основой служения является принцип «не навреди». Некоторые наши профессора-наставники, к сожалению, не соизмеряют силу своего интеллекта, духа, своей личности с готовностью аспиранта работать в таком же ритме с самого начала. И порой «передавливают» ученика, отбивая тем самым у него желание к научным исследованиям. Возможно, наставникам следует учитывать, что ученикам сразу не «дотянуться» до их высот. Порой они и научный язык сходу не понимают.

Однако фактор встречи ученика с наставником дает шанс, что в университете вырастут доктора наук, профессора.

Л.И. МАКСИМОВ: Каким должен быть наставник и каким должен быть ученик – это большой и дискуссионный вопрос. И по моему мнению, которое сложилось в прошедшие пару лет, его дискуссионный характер будет только возрастать.

Ранее здесь было сказано, что человек обозначает себя одновременно и наставником, и учеником, и это, своего рода, переходный период. Я же полагаю, что это не переходный период, а правильное равновесное состояние (как бывает в физике или химии – состояние, которое обеспечивает стабильная структура). Когда человек вне зависимости от его статуса, возраста или регалий «закрывается» от того, чтобы быть учеником в какой-то сфере, он автоматически это равновесное состояние утрачивает. А через какое-то время вообще может выпасть из достаточно узких и жестких границ профпригодности, которые диктует современная наука чтобы быть актуальным в академической среде. На мой взгляд, это не только нормально, а хорошо – если человек не утрачивает способность учиться.

Наставником, учителем может быть не только конкретный человек из ныне живущих или тот, кого уже с нами нет, но есть только его научные труды. Учителем может быть и окружающая нас действительность. А также я понимаю, что, например, бакалавры первого, второго курсов в некоторых отдельных аспектах могут быть для меня учителями, если их внимательно послушать.

Мы говорим об этических аспектах науки в университете, меня в этой связи заинтересовало понятие «этос». Пока слушал доклад, параллельно посмотрел в интернете значения этого понятия. Оказывается, это понятие не имеет строгого терминологического описания. Один из вариантов его значения – убеждение через авторитет. В этой связи существует широкий диапазон смыслов относительно того, кто же такой научный руководитель. Например, в англоязычной среде есть термин *scientific advisor* – научный советник, который только подсказывает. У самого человека должно быть на 100% проактивное состояние, он знает, куда хотел бы двигаться, а наставник лишь дает инструмент и подсказывает. Возможна и противоположная ситуация, когда в каком-нибудь институте или университете есть не только научный руководитель соискателя, но и научный руководитель целого университета. Если речь идет об узкоспециализированном НИИ, вероятно, это может быть и полезно. Но когда мы говорим о классическом университете или политехническом, это может быть даже вредным. Поэтому следует пытаться находить точный баланс в отношении того, как должен существовать такой непоколебимый

научный авторитет. Даже если речь идет об академике РАН, который имеет большие заслуги. Со временем происходит инфляция, в том числе и достижений. Это ни в коем случае не означает, что можно обесценивать достижения, например, говорить, что пятилетний контракт закончен, все обнуляем и начинаем работать по-новому. А говорит о том, что нужно понимать, как мир вокруг нас очень быстро флуктуационно развивается.

Когда мы говорим о профессиональной этике, то, как я понимаю, у каждого из нас есть своя строгая или не вполне строгая рамка этически допустимого поведения. Здесь коллеги посетовали – я могу отчасти к ним присоединиться – что в университетской научной среде все чаще мелькают экономические термины, часто речь идет прежде всего о финансах. Но экономика – это не всегда про деньги. На своем личном примере могу сказать, что за прошедшие 4 года у меня нередко возникали ситуации, в которых мне нужна была помощь разных людей научного, промышленного толка. И порой мне удавалось их заинтересовать вложиться в дело своим не финансовым ресурсом. В итоге они говорили, например: «Ладно! У меня рабочий день на заводе заканчивается в семь, приезжаешь, и я тебе помогаю два часа делать такую-то штуку, но затем ты все делаешь руками, а я даю инфраструктуру для этого». И таким образом удается иногда двигаться дальше.

Еще один аспект служения науке – когда к профессору приходит магистрант или аспирант, который вроде бы не против заниматься наукой. И если профессор готов инвестировать часть своего личного ресурса, в первую очередь, своего времени, интеллекта для того, чтобы его до-воспитать, «докрутить», подсказать, как лучше ему себя вести, чтобы в дальнейшем, когда он уйдет от этого профессора, своего первого наставника – он тоже был актуальным. Это служение науке и служение даже в науке – когда вы доращиваете кого-то, чтобы он мог двигаться дальше. Несмотря на свой, возможно, юный для наставника в науке возраст, я уже выпустил несколько учеников, которые двинулись дальше, в том числе в реальную профессию в промышленности.

К сожалению, не всегда получается обучить человека по каким-то своим канонам, чаще мы делаем свой посильный вклад для развития. В западной культуре существует термин *make your contribution* – «сделай свой посильный вклад». Я думаю, что мы, все здесь собравшиеся, в некотором смысле максималисты – хотим всего и сразу. Но, увы, где-то нужно идти маленькими шажочками. Я до сих пор пытаюсь усмирить свой максимализм. И не знаю, коллеги, нужно ли это делать?

А.А. ПОНОМАРЕВ: Рассуждая об этике науки мы остановились только на первом тезисе – о служение науке. А остальные тезисы, в общем-то оставили за рамками этого разговора.

Мое мнение об этике науки опирается исключительно на личный опыт. В 2017-2018 гг. к нам в университет приезжали специалисты Московской школы управления Сколково. Разрабатывая один из проектов, мы искали статистические данные о научном прогрессе в разных странах и о финансировании. Оказалось, насколько я помню, больше всего финансов вложили в науку США. И в корреляции с научными достижениями эти данные дают прямолинейную зависимость.

Говоря о десятилетии науки и технологий применительно к университетам, можно вспомнить проект «Приоритет – 2030». Наш университет не попал в этот проект. И, может быть, это даже и неплохо. Например, коллеги из других университетов, которым удалось войти в этот проект, испытывают большие трудности с отчетностью, поскольку результатом должен быть уже готовый коммерческий продукт. А настоящая наука в столь сжатые сроки, на мой взгляд, вряд ли может предоставить готовый качественный продукт.

Теперь о личном опыте. Я поступил в наш университет на специальность «Геология нефти и газа». Первый семестр учился «на отлично». Потом заметил, что ребята, занимающиеся наукой очень активны, ездят на конференции, стажировки. Я пришел с намерением начать заниматься наукой к преподавателю, ответственному на кафедре за науку, она отправила меня к заведующему лабораторией. Ему я сообщил, что хочу заниматься наукой. На что он сказал: «Хорошо. Если хочешь заниматься наукой, давай иди выбрасывай мусор, собирай лабораторные столы». В этот период лаборатория только собиралась, оборудование было еще в ящиках, даже лабораторные столы еще не были собраны. Примерно 3 месяца я этим занимался. Закончил. Вновь пришел к заведующему лабораторией со словами о том, что хочется заниматься наукой. На что он сказал: «Похоже ты, действительно, хочешь заниматься наукой». И добился для меня стажировки. В результате я освоил метод компьютерной рентгеновской микротомографии. Затем как-то постепенно начал развивать свои научные компетенции, заявляться на студенческие гранты, конкурсы, участвовать в конференциях и т.д. Когда ребята ездили на Север, работали операторами по нефтедобыче, кто-то работал в центрах по исследованию керна, я в это время работал в нашей лаборатории. В итоге поступил в аспирантуру, в настоящее время заканчиваю работу над диссертацией. Осмысливая прошедшие десять лет учебы и работы в университете, я понял, что ничего

другого, кроме того, как заниматься научными исследованиями, не умею. И мой тезис относительно вопроса, как привлечь и удержать молодых специалистов в научной деятельности – замечать способных студентов с первого курса и обеспечивать им максимально комфортные условия. Конечно, это может сработать и как «воронка продаж», когда, например, многие клиенты заинтересовываются рекламой, а на выходе, только один или два покупают рекламируемую вещь. Приведу пример, в прошлом году я подготовил студента на конкурс, он получил премию. Когда проекты заморозились, он ушел на практику на другое предприятие и уже перестал выполнять научные задачи, которые я ему сформулировал. Однако, несмотря на такую «воронку» я придерживаюсь своего тезиса. Задача старших наставников, помимо передачи научных знаний, предполагает еще и помощь в обеспечении финансовой стабильности для этих ребят.

С.В. ТОЛМАЧЕВА: Ранее на семинарах мы обсуждали миссию нашего университета. И я тогда обращала внимание на то, что у нашего университета на главной странице сайта стоял лозунг «Тюменский индустриальный университет – первый вуз КОРПОРАЦИЙ». Если университет позиционирует себя как первый вуз корпораций, предполагается, что у него будет преимущественная направленность на получение экономического результата. Если он снимает такой лозунг, то может заявлять другие приоритеты, в том числе ставить приоритет науки. А иначе – корпорации ждут ответа.

Порой нам кажется, что мы рассуждаем здесь на несколько отвлеченные темы, однако это не так. На прошлом семинаре поднимались, в том числе вопросы о соотношении в учебных планах социально-гуманитарных и технических дисциплин. А сегодня мы обсуждаем вопросы о финансировании науки, о развитии научной этической составляющей в науке, о взаимодействии академического наставника и ученика.

М.В. БОГДАНОВА: Наряду с вопросами стимулирования профессорско-преподавательского состава, можно отметить и еще одну проблему, связанную с вопросами подготовки нового поколения ученых. На одном из слайдов речь шла о понятии «академическая гражданственность» как понимании профессорами «цели и процедур принятия решений в университете; противостоянии академической олигархии; формировании “нового соглашения” между обществом и университетом, требующем размышления о его назначении, соотношении его целей с общественным благом».

В настоящее время академик, профессор, доктор наук, доцент не всегда может понять, каковы целевые ориентиры, структура принятия решений и механизм их реализации в университете? А также –

каким образом можно обеспечить пространство для наставнической работы? И как создать благоприятную среду для того, чтобы не только излишне нагружать юных молодых ученых, но и давать им свободу и в то же время их поддерживать, а также прививать им ответственность? Чтобы академический наставник – профессор – мог сегодня ориентироваться в этих вопросах, он, вероятно, должен специально обучиться, поскольку структура университета трансформируется почти непрерывно, задачи обновляются. Раньше такая тема не была актуальной – структура университета отличалась относительной стабильностью, правила были постоянными, профессора занимались преимущественно исследованиями и преподаванием, а другие процессы, в свою очередь, обеспечивались административно.

Л.Л. МЕХРИШВИЛИ: В ходе нашего разговора, постепенно перешли к обсуждению темы наставничества, учителя и ученика, но начали мы обсуждать проблему гораздо шире – если посмотреть на первый слайд о вызовах этике науки.

Профессию вне исторического культурного контекста рассматривать сегодня невозможно. И об этике различных видов профессиональной деятельности говорят, что каждая профессия имеет свой этический код, который выработывался столетиями. Это тоже понятно. То, что мы увидели на втором слайде о некоторых характеристиках этики науки, по большому счету и представляет собой этический код ученого – его традиционный подход.

Однако, как можно заметить, стал изменяться и сам понятийно-категориальный аппарат: академическая свобода, академическая гражданственность, академическая олигархия. Как рассматривать эту тенденцию? С точки зрения внутренней или внешней компоненты? И почему у нас в этической проблематике стала преобладать несколько иная направленность? Например, если мы говорим об академической свободе, то не можем ее рассматривать вне политического контекста. Если речь об академической гражданственности, то рассматриваем ее в социальном контексте. Если же об академической олигархии, то не можем обойтись без экономической компоненты. Это указывает на то, что происходят какие-то принципиальные изменения в университетской научной деятельности.

Формирование нового соглашения между обществом и университетом невозможно без размышлений о назначении университета. Однако, чему должно быть посвящено новое соглашение? Возможно, оно по сути – адаптация к новому периоду, новым общественным потребностям. Но если мы говорим об адаптации, новых общественных

потребностях, означает ли это, что прежние подходы частично отменяются? Скорее всего, они не теряют свою значимость, но вопрос в том, насколько они приоритетны?

В приоритетах сегодня утверждается другая проблематика и, прежде всего – социальная. Это и не хорошо, и не плохо – таков период социально-исторического развития. И, как я поняла, традиционное служение науке заменяется новым подходом – служением в науке. И здесь нам придется адаптироваться и к свободе, и к гражданственности, и к олигархии. Иными словами – адаптироваться к тому, что будет диктовать нам современное общество, политика, социально-экономическая сфера. Происходит своего рода серьезный перелом. Можем ли мы сегодня сказать, что наука свободна, гражданственна? И почему сегодня у нас в науке появилась олигархия? Не уверена. В целом, мне кажется, прежние детерминанты науки утрачивают свою приоритетность.

Л.И. МАКСИМОВ: Меня заинтересовал термин «академическая гражданственность». Буду очень рад, если на одном из следующих наших семинаров эта тема будет раскрыта глубже.

Ранее было упомянуто, что каждый из нас – молодых участников ректорского семинара – уходили из университета и вновь возвращались. Конкретно в моем случае, я специально на три месяца лишил себя должности для того, чтобы официально принести в университет деньги извне.

Если у академических сотрудников (говорим ли мы про университет конкретный, университетское сообщество города, академическое сообщество в целом) к людям – которые, например, после определенного периода утратили официальную должность прикрепления к университету и ушли, условно говоря, в промышленность – отношение будет как к другим, «не нашим», то этим мы, можно сказать, «стреляем себе в ногу». Ведь нередко, именно такие «переходы» и содействуют расширению позитивных контактов для университета.

Бывает так, что человек, который в настоящее время является руководителем нефтегазовой компании, когда-то учился, например, в аспирантуре, потом бросил, или стал кандидатом наук, сделал бизнес, ушел из бизнеса, пошел руководителем компании. Если людей, которые по формальным признакам «отпочковались», будем считать своими и говорить, что вы – тоже наши, вы тоже с академической установкой в голове, думаю, что таким образом только расширим наши связи. И это пойдет университету только на пользу. Этот аспект, как мне представляется, определенным образом связан с гражданственностью, поэтому эту тему хотелось бы продолжить на следующих семинарах.

К.В. СЫЗРАНЦЕВА: Я бы хотела дополнить. Настоящие ученики не уходят от учителей. Да, они переходят, может быть, на другую работу, но остаются с нами. Это история не о записи в трудовой книжке, но о духе – они едины с нами по духу. Даже работая на производстве или в другом городе, они все равно наши – университетские.

Е.В. АРТАМОНОВ: Я бы хотел поддержать выступление Ламары Ленгизовны. Действительно, мы, одновременно, находимся в экономическом, политическом пространствах как в масштабе страны, так и в целом мировом пространстве.

Некоторые проблемы и пути решения, которые мы сегодня обсуждаем, в принципе не могут быть решены одним конкретным вузом. Они – общие для университетов. Поэтому, возможно, стоит посмотреть опыт решения таких проблем – например развития науки – другими университетами. Действительно, жизнь заставляет нас смотреть внимательнее.

(...)

ВЕДУЩАЯ: Уважаемые коллеги, я бы хотела поблагодарить всех вас – участников сегодняшнего разговора – за интеллектуальное удовольствие общения с вами. Спасибо, за то, что пришли на семинар.

Заключительные замечания

Десятилетие науки и технологий, объявленное в России с 2021-го по 2031 г., акцентирует внимание как на роли российской науки в решении актуальных задач, стоящих перед обществом, так и на перспективы ее развития в целом. Для университетов же такой акцент может служить и некоторым стимулом к экспертной рефлексии ситуации в университетской науке.

Предпринятая в формате ректорского семинара экспертная рефлексия подтвердила актуальность темы «Профессиональная этика науки в университете» и конкретизирующих вопросов – связанных с вызовами этике науки.

При обсуждении современных вызовов этике науки в ходе ректорского семинара особое внимание было уделено понятию «академическая гражданственность». Появление такого понятия в этике науки дискутировалось как своего рода маркер происходящих изменений социального, политического, экономического контекстов научной деятельности в университетах. В формате вызова этике науки вновь был поднят вопрос о принципе академической честности – в

связи с ситуациями, в которых проблематизируется подлинность авторства научных результатов в некоторых представляемых к защите диссертациях.

Наиболее дискуссионной при обсуждении характеристик этики науки, стала категория «служение науке», соотносимая со «служением в науке». В развернувшейся на семинаре дискуссии, понятие «служение» применительно к сфере науки, с одной стороны, соотносилось со службой-работой. А с другой – определялось как превышающий исполнение должностных обязанностей, необходимый признак идентификации профессора в качестве академического наставника.

Идентичность, ее диффузия (отсутствие четких границ), выражаются, в том числе через язык. Можно предположить, что обнаружившееся в процессе дискуссии внимание к категориям «служение науке», «служение в науке», выявление в зависимости от ситуаций различных смыслов данных категорий, указывает на актуальность задачи понимания, операционализации образов университетского учебного и его этических ориентиров в настоящее время. Как соответствующий такому запросу прозвучал на семинаре и тезис относительно необходимости понимания – что представляет собой наука сегодня, в том числе университетская.

Список литературы

1. *Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Наука этики и этика науки // Вестник. Вып. 18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 16-35.
2. *Батыгин Г.С.* Эмос науки // Вестник. Вып. 18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 36-56.
3. Делаем науку в России: деловой климат в сфере науки и технологий / Л. М. Гохберг, М.А. Гершман, В.В. Лапочкина и др.; под ред. Л.М. Гохберга, М.А. Гершмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023.
4. Индикаторы науки: 2023: статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 416 с.
5. *Ицковиц Г.* Тройная спираль: университеты-предприятия-государство: инновации в действии / Генри Ицковиц; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 237 с.
6. *Коллини С.* Зачем нужны университеты? / пер. с англ. Д. Краlechкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Библиотека журнала «Вопросы образования»).

7. Константиновский Д.Л. Отношение к профессиям как индикатор социальных изменений // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 155-166. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.757.

8. Лукша П. Университет, которого не было: зачем будущему университет и каким он должен быть // VI Международная научно-практическая конференция «Мировой университет для глобального города – университет возможностей: развитие человеческого потенциала» 19-20 апреля 2023 г. URL: <<https://rutube.ru/video/1b46589368b2c95f6581d7b14524509c/?playlist=285103>> (дата обращения 03.12.2023).

9. Прокофьев А.В. Этика профессора и идея академического гражданства // Ведомости прикладной этики. Вып. 55. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. С. 20-41.

10. III Конгресс молодых ученых. Парк науки и искусств «Сириус». 28-30 ноября 2023 г. Сочи. URL: <<https://vk.com/video-215364149456239344>> (дата обращения 03.12.2023 г.).